

УДК 93/94 (470.64)

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ИНОГОРОДНИХ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Варивода Н.В.¹, Мирзоева С.Г.¹, Камбачокова М.Ю.¹, Кешева З.М.²

¹ ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский Государственный Университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия (360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), e-mail: variks1@yandex.ru

² ФГБУН Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН

В статье представлен анализ правового положения иногородних Терской области пореформенного периода. Иногороднее население являлось серьезным колонизационным элементом и играло значительную роль в экономических, политических и социо-культурных процессах, происходивших в регионе. После отмены крепостного права, на Северный Кавказ устремились тысячи крестьянских семей. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Колонизация стимулировалась указами царя и нормативными актами правительства, разрешившими постоянное жительство в области поданным невоиловского сословия. Особенностью колонизации этого периода было и то, что подавляющее большинство переселенцев устраивалось на положении иногородних. Переселенческая политика российского правительства в рассматриваемом регионе отличалась противоречивостью и непоследовательностью, определялась геополитическими, военными, экономическими интересами государства. Со временем правительство правовым путем пыталось все более ограничить приток иногородних в станицы, поставить их в зависимость от казачьей общины, сократить переселенцам все предшествовавшие льготы.

Ключевые слова: иногородние, закон, миграция, колонизация, переселенцы, Терская область, казаки, крестьяне, станица, право.

RUSSIAN LEGISLATION ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE TEREK REGION NONRESIDENT IN SECOND HALF XIX - EARLY XX CENTURY

Varivoda N.V.¹, Mirzoeva S.G.¹, Kambachokova M.U.¹, Kesheva Z.M.²

¹Kabardino-Balkarian State University n.a. H.M. Berbekov, Nalchik, Russia (360004, Nalchik, street Chernishevski, 173), e-mail: variks1@yandex.ru

²Federal State-financed organization of Science «Institute of Humanities Research» of KBSC of the Russian Academy of Sciences

The article presents an analysis of the legal situation of nonresident Terek region post-reform period. Nonresident population is the major element of colonization and play a significant role in the economic, political and socio-cultural processes that took place in the region. After the abolition of serfdom, the North Caucasus rushed thousands of peasant families. Mass migration was related to the fact that the government planned and spontaneous resettlement merged into a single stream. Colonization was stimulated king decrees and regulations of the government, permitted permanent residence in subjects nevoyskovogo class. A feature of the colonization of this period was the fact that the vast majority of immigrants takes a position of non-resident. Immigration policy of the Russian government in this region differed contradictory and inconsistent, determined by geopolitical, military, economic interests of the state. Over time, the government has tried all legal means to limit the influx of more non-resident in the village, put them at the mercy of the Cossack community, reduce the captivity all the preceding benefits.

Keywords: non-resident, the law, migration, colonization, immigrants, the Terek region, Cossacks, peasants, village, right.

Изучение проблем социальной истории Терской области второй половины XIX – начала XX в. невозможно без анализа правового положения иногороднего населения. Освещая историю региона, исследователи традиционно сосредоточивают свое внимание на казачестве, зачастую

оставляя лиц невойскового сословия вне поля зрения. Не стоит забывать, что иногороднее население сыграло значительную роль в экономических, политических и социокультурных процессах, происходивших в Терской области. Но, если в Кубанской области, и в целом в Предкавказье, роль иногороднего населения изучается системно, то этого нельзя сказать о Терской области. Содержательные и глубокие статьи Н.Н. Великой [3,4] не снимают всех проблем изучения данного вопроса.

Распространение капиталистических отношений в регионе в пореформенный период во многом зависело от темпов переселения русского крестьянства из центральных и южных губерний Российской империи, политики правительства и местной администрации в отношении иногородних, взаимоотношений казаков и невойскового сословия. Эти аспекты мы и попытаемся рассмотреть в данной статье.

Одной из особенностей пореформенной колонизации края было то, что поток переселенцев хлынул в Предкавказье. Это было связано, с одной стороны, со стремлением «освобожденных» крестьян найти лучшие условия для жизни, а, с другой стороны, с желанием государства освоить просторы края, увеличить производство сельскохозяйственной продукции, получить товарную продукцию, которую можно было бы экспортировать за границу. Пытаясь решить эти стратегические вопросы, правительство разрешило крестьянам селиться и приобретать земельную собственность на территории казачьих войск.

После отмены крепостного права, на Кавказ устремились тысячи крестьянских семей, не желавших нести феодальные повинности и платить огромные суммы за выделяемые помещиками наделы. К тому же крестьянская колонизация стимулировалась указами царя и нормативными актами правительства, разрешившими постоянное жительство в области подданным невойскового сословия.

Еще в ходе Кавказской войны рескриптом Александра II от 24 июня 1861 г. на Кубани позволялось приобретать в собственность землю «людям стороннего звания» и предписывалось наказному атаману составить проект Положения о заселении Закубанья. 10 мая 1862 г. было опубликовано Положение «О заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» [1]. В соответствии с законом главную часть переселенцев составляли казаки, но допускался и «свободный прием во вновь водворяемые станицы». Закон 1862 г. упорядочил крестьянскую колонизацию региона и впервые дал иногородним некоторые имущественные права. Лицам не казачьего сословия впервые давалась возможность приобретения земли в частную собственность, что создавало условия для мирного сосуществования иногородних и казаков.

Закон 29 апреля 1868 г. разрешал лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях без согласия войскового начальства и станичного общества [12, л. 16]. Принятый закон ставил задачу поднять экономику Кавказского края, создать правовые условия для развития товарно-денежных отношений. Он предоставлял некоторые льготы переселенцам, которые, однако, впоследствии были сокращены. Например, возведение иногородними новых построек на войсковой, городской или станичной земле, бывшие по закону 1868 г. свободными, позднее допускались только с разрешения войскового начальства или согласия городских и станичных обществ [11, л. 4].

Но, несмотря на это, закон от 29 апреля 1868 г. вызвал волну миграции на Северный Кавказ, рост населения которого за 30 лет превысил естественный прирост почти вдвое. Так, в 1860 г. на территории Терского войска проживало иногородних 4978 человек, а на 1 января 1897 г. проживало оседло 46360 иногородних и лиц, не имеющих оседлости – 57597 человек [8, с. 267, 268].

В пореформенный период большинство переселенцев устраивалось в станицах на положении иногородних, поскольку после окончания в 1864 г. Кавказской войны пополнение рядов казачества за счет других социальных групп стало ненужным. В связи с прекращением приписки в станичные общества неказачье население, служившее раньше источником пополнения казачества, превратилось теперь в «иногороднее» сословие, занимавшееся трудом по вольному найму, арендой и обработкой земли, торговлей, различными промыслами и т.д. Лица, приобретавшие в собственность усадебные постройки в пределах казачьих станиц с правом потомственного пользования находящейся под этими постройками землей и обязательством уплачивать за это посаженную плату, стали именоваться «иногородними, имеющими оседлость». Все лица невойскового сословия, проживающие в станицах на квартирах или на частновладельческих землях в качестве арендаторов, стали именоваться «иногородними, не имеющими оседлости» и были основным элементом, составляющим рабочую силу среди пришлого населения

Социальный состав переселенцев был неоднороден: крестьяне, мещане, отставные солдаты, зажиточные арендаторы, крупные скотопромышленники.

Из колонистов Терской области первое место занимали уроженцы Харьковской губернии – 11,45%, затем Воронежской – 11,33%, Полтавской – 9,37%, Саратовской – 6,64% и др.[5, с. 113].

По данным Н.П. Гриценко, в конце XIX в. менее всего хуторов иногородних было в Кизлярском отделе (42), а больше всего в Пятигорском (108), где иногородние составляли 35-45

% всего населения [6, с. 80]. Например, в станице Горячеводской на 4460 казаков приходилось 3782 иногородних, в станице Ессентукской на 8503 казака – 5110 иногородних, в станице Незлобной на 3172 казака – 1271 иногородний [6, с. 82].

Иногородние селились также и в казачьих станицах. Обычно казак сдавал переселенцу часть своей усадьбы на срок от 12 до 60 лет, о чем составлялся форменный документ, который скреплялся станичным правлением [14, л. 2,3].

Постепенно иногородние все больше сосредоточивали в своих руках казачьи наделы, покупали усадебные постройки, и при таких условиях бедные, а преимущественно нерадивые и ленивые казаки, быстро растратив деньги, полученные за продажу или аренду земли, попадали к ним же в кабалу и не имели никакой возможности снарядиться на службу собственными средствами. Поэтому правительство пыталось ограничить приток иногородних в станицы, поставить их в зависимость от казачьей общины, сократить все предшествовавшие льготы переселенцам. Пришлое население даже не имело права голоса на сходах. С 1870 г. иногородним дали это право, но они допускались только к решению дел, непосредственно их касающихся. Местная администрация действовала в большинстве случаев в интересах казачества. Наказной атаман Терского казачьего войска совмещал должность и начальника области. Административно-полицейская власть на местах возлагалась на начальников отделов и станичных атаманов [4].

По мнению Государственного Совета, утвержденного 13 мая 1883 г., иногородние обязаны были исполнять все земские повинности, связанные с постоянной оседлостью [13, л. 97].

С начала 80-х и до конца 90-х годов XIX века возобладали ограничительные тенденции в переселенческой политике российского правительства. Законодатели признали потребность в переселении «весьма ограниченной» и основную задачу правительства видели в том, чтобы «скорее сдерживать переселение, нежели поддерживать и поощрять его» [2, с. 36]. В условиях относительно благоприятных для России изменений в международной обстановке, укрепления экономики и начавшейся модернизации, отношение к переселенцам стало более жестким: правительство игнорировало необходимость земельного обеспечения переселенцев, разрабатывало «ограничительное» законодательство, принимало административные меры против наплыва иногородних [1].

В 1891 г. было издано «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск», сыгравшее значительную роль в деле ограничения прав иногородних [16]. Законодатели попытались законсервировать казачье землевладение. В соответствии с новыми правилами об

общественном управлении в казачьих войсках иногородние не приглашались на станичные сходы, где обсуждались касающиеся их экономические вопросы. Постановления схода им лишь объявлялись. Кроме того, для иногородних увеличивалась посаженная плата.

Также вводились ограничения и в пользовании станичными пастбищами и сенокосами. Ограничивалось количество скота, которое вправе были пасти иногородние на общественных выгонах. Ограничения накладывались даже на посещение иногородними больниц, аптек, станичных и войсковых школ. Иногородние не могли приобретать недвижимое имущество, землю, ограничивались правом пользования рыбной ловли и в большинстве случаев занимались ремеслами, торговлей и работой по найму в хозяйствах зажиточных казаков и старшин.

Исследователь истории терского казачества Ф. Пономарев так описывает положение этого сословия: «Эти люди не могли обзавестись ни хозяйством, ни землей, ни семьей, так как казак не отдаст свою дочь за человека бедного, бесприютного и вовсе еще не известного, им остается быть работником и то, пока силы служат» [9]. Даже Кавказское начальство вынужденно именовало иногородних «безземельным и почти бесправным элементом» [3, с. 126]. Таким образом, «иногородние являлись... какими-то отверженцами, ... лишенными если не всех, то некоторых важнейших прав, имущественных и общественных» [6, с. 86]. Желая отстоять свои права, иногородние отправляли в местные и центральные органы власти жалобы, но зачастую постановления выносились не в их пользу.

К 1917 г. иногородние так и не получили права на свою социальную организацию, которая бы их защищала, либо равные права в самоуправлении. Все вопросы решала казачья община. Казаки вели себя на Тереке по-хозяйски и уступать свои позиции не собирались. Это вызывало недовольство иногородних. Последние хотели иметь в Притеречье те права, которые получили благодаря реформам 60-70-х гг. XIX в. Поэтому возникло противоречие между правовым положением крестьян в центре и на юге страны. В начале XX в. в Терской области, как и в других казачьих регионах, выступления крестьянской бедноты становились все более массовыми и организованными [3, с. 126].

Отношение казаков к этой социальной группе строилось на основе социального неравенства и полного превосходства одного сословия над другим. «Казаки относились к посторонним обывателям чрезвычайно гордо, надменно и недружелюбно. Такое отношение ... вытекает отчасти из сословных предрассудков, а отчасти из экономических причин» [10, с. 48]. Атаман Пятигорского отдела Попов в рапорте начальнику Терской области, высказывая всю ненависть к крестьянам-переселенцам, предлагал «очистить» станицы от иногородних. Он писал, что «если внимательно присмотреться к влиянию иногороднего населения на казачество,

то можно смело сказать, что это ржавчина на булате» [15, л. 2, 3 об., 5]. «Было время, – также писал атаман, – когда казаки охотно принимали к себе иногородних, видя в них даровых работников, так как много казачьей земли оставалось не использованной самими казаками и иногородние, арендуя свободную землю и обрабатывая ее, платили дань казакам хлебом и сеном, а последним оставалось только радоваться, что находились кормившие их работники» [6, с. 81, 82]. Но, по мнению атамана, нельзя не видеть и отрицательных сторон переселения: арендованные земли истощались и не восполняли потребностей увеличившегося числа казаков, которые к тому же «за спинами крестьян» приучились жить «без особого труда, не развивая энергию и трудоспособность земледельца» [6, с. 82, 83.].

Не случайно, что именно атаман Пятигорского отдела забил тревогу. В своем рапорте начальнику Терской области и Наказному атаману он писал, что в настоящее время (1909 г.) нет ни одной станицы, в которой не было бы иногородних.

В процессах социального расслоения и «оскудения казачьего духа» казаки пытались обвинить переселенцев. В «Голосе казачества» была высказана следующая оценка роли иногородних в этих процессах: « ... чуждый элемент уже гасит в казаках воинскую подвижность, любовь к коню, гордость костюмом, оружием, уважение к обычаям старины ... Коренной состав поддается ... натиску всякого сброда, а в хозяева земли, умытой казачьей кровью, пробиваются иногородние» [16].

Иногородние не были каким-либо образом организованы для того, чтобы бороться за свои права. Казачья же община, напротив, представляла собой единую, высокоорганизованную систему и выступала по отношению к переселенцам как целостный организм [7].

Вполне понятно почему пришлое население, отягощенное больше других повинностями и испытывающее враждебное отношение к себе, стало активным революционным элементом. И логично, что в годы Гражданской войны большевики выдвинули лозунг об уравнивании прав казаков и иногороднего населения [4].

Таким образом, мы можем констатировать, что правительственная политика в отношении иногородних в пореформенный период была противоречивой, не всегда последовательной и определялась геополитическими, военными, экономическими интересами государства. Стремясь сохранить в неизменном виде привилегии казачества, правительство Российской империи и администрация области пытались ограничить наплыв мигрантов в станицы, поставить их в зависимое положение от местных жителей. Основными землевладельцами по-прежнему оставались Терское войско и станичные общества. Они выдвигали иногородним свои условия, ущемлявшие их в юридических, экономических и социальных правах.

Список литературы

1. Беликов А.В. Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Майкоп, 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/inogorodnee-naselenie-kubani-vo-vtoroi-polovine-xix-veka> (дата обращения 22. 05.2014).
2. Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. – 1965. – № 1. – С.28-38.
3. Великая Н.Н. Казачье и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX - начало XX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. – Вып. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 368 с. С. 120-129.
4. Великая Н.Н. Модернизационные процессы второй половины XIX века и терское казачество // Модернизационные процессы в истории России XVIII-XX вв.: политика, экономика, культура. – Армавир, 2003. – С.118-127. URL: http://www.cossackdom.com/articles/v/velikaya_modernizatsiya.html (дата обращения 19.03.2014).
5. Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Т. XIX. – Орджоникидзе, 1957. – С. 101-115.
6. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1972. – 277 с.
7. Котов С.Н. Казаки и иногородние: сотрудничество и противостояние (по материалам Северного Кавказа) // Материалы конференции «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании». – СПб., 2001. – С.150-151. URL: http://musey16.ucoz.ru/index/kazaki_i_inogorodnie/0-64#_edn4 (дата обращения 19.09.2014).
8. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ: «Ир», 1991. – 301 с.
9. Пономарев Ф. Материалы к истории терских казаков // Терские ведомости. – 1903. – № 16.
10. Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска. – Тифлис, 1877.
11. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее – ЦГА КБР). Ф. И-6. Оп.1. Д.107.
12. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп.1. Д.206. Т.1.
13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 7. Д. 5140.
14. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.10. Д.132.

15. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.5. Д.294.

16. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. URL: <http://www.deephistory.ru/dhs-693-5.html> (дата обращения 10.02.2014).

Рецензенты:

Дзамихов К.Ф., д.и.н., профессор, и.о. директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Гуманитарных Исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик.

Апажева Е.Х., д.и.н., профессор кафедры истории ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик.